

Эндрю оглядел большую комнату на первом этаже здания, которое они только что купили. “Ну, это потребует изрядной работы. Если ты планируешь открыть здесь бутик, то есть. Как насчет того, чтобы сменить план на детский сад? Тогда все, что нам нужно сделать, это покрасить стены и положить какой-то утеплитель на пол. Пока они яркие, мы в порядке. Ты знаешь, какие бывают дети.”

Стеф проигнорировала его. Они с Эндрю были парой меньше года, но этого было достаточно, чтобы понять, что он из тех людей, которым нужно поддерживать налет глупой болтовни, чтобы успокоить нервы. Это могло быть раздражающим, но, с этими его недостатками она могла жить достаточно легко. Отец ее дочери Нэнси был пьяницей, который временами становился жестоким.

Ну, с ней только один раз. У профессионального повара были свои преимущества. Ножи — большие ножи - были под рукой и она отлично умела их использовать. Ей даже не пришлось сильно его резать. Протрезвев, он осмотрел раны и решил поискать более зеленые пастбища в другом месте. Поскольку Нэнси было всего восемь месяцев, она не помнила своего отца - что вполне устраивало Стеф.

Вообще-то, она собиралась открыть детский сад. Она даже зашла так далеко, что предложила эту идею Антону и Виктору. Но после обсуждения этого вопроса все согласились, что риск перевешивает выгоды.

Проблема с детьми заключалась в том, что у них, как правило, были родители. И хотя вы могли легко объяснить появление и исчезновение незнакомых людей четырех - и пятилетним детям, это было гораздо труднее сделать со взрослыми. Тем более что эти вопрошающие взрослые в начале будут с опаской относиться к новому детскому саду и будут за ними пристально следить.

Нет, лучше придерживаться плана бутика. Никто не задумается, что за люди входят и выходят из такого магазина, особенно если это будут женщины.

Все это Эндрю прекрасно знал с тех пор, как участвовал в обсуждении. Странно, правда, как человек, который был почти удивительно изобретателен во многих отношениях, мог иметь такие детские привычки. Но Стеф уже давно смирилась с тем, что Вселенная несовершенна. Вот еще одно доказательство - и отнюдь не самое худшее, с каким она когда-либо сталкивалась. Далеко нет.

“Это в основном будут просто стеллажи”, - сказала она. “Много стеллажей, конечно, но мы можем их купить.”

С имеющимися в их распоряжении средствами они могли бы легко позволить себе платить подрядчикам за всю работу по установке стеллажей. Но с точки зрения шпионов - это был нейтральный способ выражения профессиональной паранойи - термин “внешние подрядчики” был синонимом “потенциальных информаторов”.

В конце концов, были другие работы, которые они делали, помимо установки полок. Они также создавали тайник для людей, которым нужно скрыться от властей. Чтобы сделать такое укрытие эффективным, было необходимо больше, чем просто умная конструкция. Они должны были включить в нее шумоподавляющее и защитное оборудование, а некоторое было довольно громоздким. Не было никакого способа сохранить все это в секрете, когда подрядчики входили и выходили из здания.

Так что, Эндрю должен был сделать все это, со всей (не слишком профессиональной) помощью Стеф, которую она могла ему оказать. Но она не беспокоилась об этом. В конце концов, это был тот же самый человек, который установил на корабле гипергенератор.

* * *

Мысль о столице Мезы, Менделе, которая поразила Танди больше всего, пока она маневрировала воздушным грузовиком по переполненной основной полосе движения, была о том, насколько богаты даже самые бедные районы. Конечно, по сравнению с районами, населенными полноправными гражданами Мезы, кварталы сесси были обшарпанными - и в некоторых районах очень сильно. Они были более густонаселенными, более тесными, гораздо грязнее и показывали признаки разрушения и даже полного разложения почти везде, куда бы вы ни посмотрели.

Тем не менее, по сравнению с ее родной планетой Ндебеле и большинством миров Окраины, сесси жили в относительной роскоши. Оставляя в стороне здания, которые были полностью заброшены, каждый имел отопление и климат-контроль. Возможно, по меркам Мезан, кварталы были переполнены, но они не были похожи на переполненные лачуги, которые она видела во многих мирах - или на трущобы, в которых она выросла, если на то пошло.

Она знала, что это древний шаблон. Степень, в которой люди были недовольны своим жребием в жизни, определялась их относительным положением в данном обществе, а не какой-то абсолютной и внешней мерой. С незапамятных времен реакционеры указывали (совершенно верно), что менее привилегированные в их собственных обществах были настоящими Мидасами по сравнению с палеолитическими охотниками и собирателями. Никогда не понимая - в основном потому, что не хотели понимать - что такие сравнения бессмысленны.

То, что имело значение для матери сесси, ухаживающей за своим больным ребенком, было не то, что дети в древние времена или на каких-то мирах далеко от Окраины часто умирали в младенчестве - и она должна быть чертовски благодарна, что мало шансов, что ее собственный ребенок действительно погибнет. Нет, важно было то, что если бы она была полноправным гражданином, она могла бы предоставить своему ребенку наилучшую медицинскую помощь вместо той очень примитивной, которую она могла себе позволить.

Даже зная все это, Танди все еще находила ситуацию немного дезориентирующей. Подсознательно, она ожидала столкнуться с условиями в кварталах сесси Мезы, похожими на те, в которых она выросла.

Однако, когда она пробиралась через каньонообразные углубления складных полос движения между многоквартирными башнями, Танди начала понимать, что различия были больше, чем они первоначально казались - не только различия с зажиточными кварталами граждан, но даже с подобными ее родному Ндебеле.

Виктор и Антон рассказали ей историю, и теперь она видела ее сама. Районы сесси на Мезе, в отличие от лачуг на Ндебеле или многих других мирах Окраины, были построены по узнаваемо современным принципам. Это означало строительство с использованием преимущества антигравитации, вместо растягивания на поверхности. Преимуществ такого рода гипер-урбанистического планирования было много. Высокая плотность населения имела гораздо меньший экологический след, чем те, которые раскинулись в огромных пригородах. Они были гораздо более энергоэффективными, более экономически продуктивными, неизменно имели более высокий средний уровень образования - список можно продолжать и продолжать.

Но округа сесси на Мезе были построены по дешевке, так сказать. Почти все жилые башни были построены намного позже первоначального периода колонизации и были чем-то вроде запоздалой мысли. И с самого начала они предназначались для содержания освобожденных рабов, количество которых росло, чего изначально не ожидалось, что объясняло довольно много того, как они были построены.

Поскольку они были предназначены для бедняков - и для людей, в которых полноправные граждане Мезы не хотели поощрять какие-либо претензии на равенство - они были намеренно предназначены для того, чтобы быть гораздо более утилитарными и иметь в целом качество жизни второго или третьего класса. В то время, когда они были построены, они имели приличные удобства (отопление, кондиционер, гравитационные лифты и т. д.), но они были скудными. Они также были короче - никогда не превышали трехсот этажей, менее половины высоты большинства «правильных» жилых башен. Это должно было гарантировать, что любой, кто живет в них, будет смотреть на «высокий замок» тех, кто генетически и юридически лучше - по сути, в соответствии с тем, что вы могли бы назвать законами о жилищных условиях.

Кварталы сесси первоначально проектировались как «кольцо гетто», широко опоясывающее центральную часть Менделя, с его зелеными зонами, парками и т. д. На протяжении веков, однако, внутренняя часть Менделя медленно расширялась от своего первоначального размера и охватила большинство первоначальных башен сесси. Они были разрушены и заменены «правильными» башнями, вытесняя гетто все дальше и дальше, даже когда число сесси, живущих в нем, становилось все больше и больше.

Хуже было то, по мнению сесси, что после первоначальной колонизации строительство этих жилых башен было передано в местное отделение одной из межзвездных корпораций, Мейденстоун Энтерпрайзис на Мезе. МЭМ не потратила много времени и усилий на соблюдение стандартов. К чести городского правительства Менделя, оно, по крайней мере, пыталось следить за тем, чтобы стандарты соблюдались во время строительства, но это уже было не то, что выставлялось на торги. Строительство Мейденстоуна становилось все более скользким, с серьезными проблемами обслуживания, которые владельцы башен, не очень усердно старались исправить. Соответственно, плотность населения на квадратный километр была намного ниже, чем в «хороших районах» Менделя, но плотность населения на здание была намного выше, так как люди были упакованы в очень ограниченном пространстве.

Население районов сесси в Менделе составляло где-то от десяти до двенадцати миллионов человек. (Власти не предпринимали попыток провести точную перепись. Зачем беспокоиться? Сесси не могли голосовать.) Все говорили, что оно занимало чуть менее двухсот квадратных километров, но значительную треть этой площади занимали промышленные участки и торговые зоны. Те, хотя они были функциональными и современными, считались бельмом на глазу, которое мешало полноправным гражданам в их благоустроенных частях города. В любом случае, держать их в охраняемых районах имело смысл, потому что сесси обеспечивали свободную рабочую силу. Менеджеры и руководители среднего звена, по крайней мере, выше уровня начальников цехов, почти всегда были полноправными гражданами.

Торговые зоны с их промышленными узлами также служили для разделения гетто на отдельные районы. Зоны и узлы были освещены и патрулировались частными силами безопасности, а также собственной полицией города, которая обеспечивала охрану объектов, находящихся в их ведении, и не давала сесси возможности «срезать путь» через них куда-либо, кроме должным образом санкционированных транзитных пунктов. По сути, они служили социальными волнорезами, помогая предотвратить организацию сесси в масштабах всего города.

Это были современные отрасли, основанные на современных технологиях. Они не производили много загрязнения окружающей среды, поэтому они не оказывали большого влияния на самих граждан. Но для сесси и рабов, работающих в этих отраслях промышленности и в коммерческих зонах, они по-прежнему оставались безрадостными и трудными районами. Гектары и гектары суровых производственных площадок, транспортных систем и тротуаров повсюду. Деревьев и кустарников, которые украшали районы для граждан, здесь не водилось. Самое лучшее, что вы могли бы увидеть в поисках садов, - это цветочные ящики, подвешенные к окнам дешевых ресторанов и закусочных, обслуживающих работников - сесси.

Это был не дымный ад индустриальных трущоб времен до Расселения, и бедность была не такой страшной, как во многих мирах Окраины. Было даже несколько парков, зоопарков и музеев, разбросанных тут и там. Но самым поразительным аспектом гетто сесси для Танди было явное отсутствие закона. Точнее, отсутствие официальной власти. Такого не было на Ндебеле. Конечно, закон был коррумпированным и часто жестоким. Но он все еще присутствовал.

Здесь...

По правде говоря, казалось, что технические характеристики находятся под официальным контролем - такие вещи, как регулировка движения и границы, которые были легко видны, и, как она предполагала, такие вещи, как удаление отходов и распределение электроэнергии, которые были не видны. Это те вещи, которые должны были регулироваться, иначе возник бы хаос, который неизбежно распространился бы на гражданские районы.

Но помимо этих вещей, власть имущие Мезы, похоже, не сильно переживали за то, как сесси регулирует свои собственные дела. После того, как она покинула корабль Зилвицкого с грузом, который она несла, и прошла через въездные и таможенные ворота Старпорта, она увидела только одну полицейскую машину - и это было в пределах первого километра пути. Вскоре после этого она вошла на территорию сесси, и с тех пор, насколько она могла судить, полицейских вообще не было.

На Ндебеле, напротив, полиция была видна повсюду. Конечно, термин «полиция» был чем-то неправильным, так как они вели себя как оккупационная армия. Они часто игнорировали преступления, совершенные против бедных и беспомощных - и когда не игнорировали, неизменно реагировали медленно - но они, тем не менее, были всегда существующей реальностью.

Здесь ... ничего. Танди почувствовала что-то похожее на облегчение, когда спустилась по съезду в лабиринт подземных коммуникаций прочь от воздушных дорожек между унылыми каньонами жилых башен сессиз.

Она знала, с чем столкнется, потому что Виктор рассказал ей об этом. Однако теперь она поняла, что на каком-то уровне она просто не поверила ему. В конце концов, как вы можете управлять огромным городом без правоохранительных органов? По крайней мере, по эту сторону жемчужных врат небес это было просто невозможно.

Конечно, правоохранительные органы здесь были - просто их не было формально, и правоохранительные органы были более или менее предоставлены сами себе. Если уж на то пошло, по крайней мере кварталы сесси на Мезе были настолько близки к беспрепятственному либертарианству, насколько человечество его достигло. И если такое положение дел невозможно было отличить от того, в котором криминальные князья вели шоу, тем хуже для либертарианства.

Справедливости ради, - так во всяком случае сказал ей Виктор, - в некоторых районах сессии криминальные авторитеты, вероятно, лучше справлялись с порядком и отправляли правосудие, чем власти. Конечно речь о мезанских властях. Беспорядки и недовольство были плохими для бизнеса, в том числе нелегального бизнеса. И поборы, которые криминальные авторитеты брали с каждого законного бизнеса, были, вероятно, не хуже, чем налоги.

Законники не хотели признать, что понятие подпольной крыши часто трудно отличить от того, что люди получают от правоохранительных органов. Передавая криминальному боссу часть доходов от вашего бизнеса или профессии, взамен вы получали защиту, стабильность, стабильные поставки и цены - даже, в наиболее эффективных областях, некоторое социальное обеспечение. Передавая законному правительству часть доходов от вашего бизнеса и профессии, взамен вы получали...

Примерно тоже самое. Безусловно, превосходная отдача была в хорошо управляемых обществах, таких как Беовульф и Мантикора, даже еще лучше. Но во многих мирах Окраины, особенно на родных для Танди планетах Мфекан, большинству людей было бы лучше, если бы им руководил хорошо организованный преступный синдикат, чем «законные» головорезы и воры, которых они получили на деле.

Более глубокая и, в конечном счете, неразрешимая проблема заключалась в том, что даже в самых успешных кварталах сессии люди, которые действительно заправляли делами, не имели официально признанных прав на эту должность.

"Авторитет" - это термин, которым человеческая раса злоупотребляла чаще, чем кто-либо мог вспомнить, но это было все же не просто наименование. Термин означал законную власть, а не только власть как таковую. И что определяло легитимность, так это то, что власть, которой она принадлежала, была формально признана и принята всеми как законно приобретенная и утвержденная.

Такой формальной легитимности в кварталах сессии, даже самых лучших, не было. Правда, было что-то подобное. В каждом округе был неформальный совет криминальных авторитетов, возглавляемый самыми влиятельными из них. В Новом Ростке таким главным боссом был Юрген Дусек. Все значимые криминальные авторитеты поддерживали связь друг с другом через еще один неофициальный совет. Членство в этом совете было равносильно тому, что его признали одним из лучших.

Совет предпочитал держать конфликты под контролем и, как правило, у него это получалось. Но если один из великих криминальных князей умрет или просто потеряет свою власть, без четкой линии преемственности неизбежно разразится борьба и конфликты. И это не борьба, ведущаяся в соответствии с установленными правовыми нормами, находящимися в жестких границах. Обычно она приводила к войне. Иногда скрытной, иногда открытой. Иногда все решали несколько убийств, иногда резня. Иногда непродолжительная, иногда кажущаяся бесконечной.

Если в Новом Ростке воплощалась одна крайность, то в Нижнем Радомско воплощалась другая. Полвека назад криминальный босс, который контролировал район, был убит конкурентом, который, в свою очередь, был убит в течение двух часов другим конкурентом, который был убит менее чем через день еще одним конкурентом - которая сама умерла на следующий день от ран, полученных в ходе боевых действий.

После этого район впал в анархию, от которой он до сих пор не оправился. Соседним боссам не нравился хаос, но они предпочли его риску позволить другому боссу получить еще большее

влияние и власть в регионе. Нижнее Радомско было нарицанием в районах сессии на Мезе для того, что случится, если у вас не будет способного и жесткого босса, управляющего всем. Район оставался самым жестоким районом на Мезе и самым бедным.

* * *

Теперь она находилась на самой низкой полосе движения на торговой улице, как и с тех пор, как спустилась по съезду. Подземные торговые магистрали были нормальными в городах размером с Мендель. Плотность населения, возникшая в результате современного городского строительства, с его акцентом на башни, поддерживаемые гравитацией, имела много преимуществ с экономической и экологической точек зрения. Но это создавало огромные проблемы для движения. Одна из стандартных мер заключалась в том, чтобы назначать коммерческое движение специальным подземным проспектам и разрешать им присоединяться к наземному воздушному движению только тогда, когда они готовы сделать доставку, - и, насколько это возможно, располагать входы для доставки также под поверхностью.

Проспект, в который она спустилась, имел четыре вертикальных переулка, и она была на дне. Еще один грузовик неожиданно появился из пересекающейся второстепенной полосы и резко повернул, внезапно спустившись прямо над ней. Компьютерная программа ее грузовика отреагировала, совершив аварийную посадку и остановившись в нескольких сантиметрах от поверхности земли.

"Ублюдки", - пробормотала она. Уничтожение было направлено не столько против другого водителя, сколько против людей, ответственных за ситуацию в целом. Обычно программы управления движением автоматически предотвратили бы такую ситуацию, изменяя скорости или уровни полосы движения двух транспортных средств по мере необходимости. Однако она уже заметила, что программы контроля казались немного неровными в течение последнего полукилометра или около того.

Другой грузовик появился из той же второстепенной полосы, свернул в полосу, отведенную для движения в другую сторону - к счастью, там никого не было, - а затем подрезал ее. Грузовик остановился также на нижнем уровне, образуя букву Т с Танди.

Она посмотрела на экран заднего вида. Для нее не стало сюрпризом, что сзади появился третий грузовик, который не позволил ей вернуться назад.

Она не удосужилась проверить, что находится слева и справа от ее автомобиля. Она была слишком близко к стене справа, а машины спереди и сзади были так близко, что у нее не было места, чтобы объехать их слева. Вместо этого - возможно, с опозданием - она проверила свое положение на экране местоположения. Потребовалось мгновение, чтобы интерпретировать то, что она видела, поскольку программа локатора не распознавала и не использовала неофициальные названия для кварталов сессии в Менделе.

Конечно же. Она зацепила Нижнее Радомско. Самый краешек, который программа движения могла бы пройти через пару минут. Но этого оказалось достаточно.

Скорее всего, кто-то в управлении движением был подкуплен, чтобы вести ее таким образом. Грузовичок Танди был куплен, не арендован, но за короткое время после прибытия на Мезу у нее не было времени прикрепить логотип к транспортному средству. У нее даже был логотип, готовый к нанесению - «Комланс Интермодал Транспорт, Лтд.» - но он лежал в грузовом отсеке вместе с товарами, которые она везла в будущий бутик Стеф Тернер.

Отсутствие идентификации на грузовике, вероятно, не имело значения. Быстрая проверка,

которую мог бы сделать каждый, кто работал в управлении движением, выявил бы тот факт, что Комланс Интермодал не был зарегистрированным грузовым перевозчиком. Это был так называемый «цыганский наряд» - очень распространенный в охраняемых районах Мезы, но без какой-либо официальной легитимности. Или, если говорить более конкретно, без официального разрешения и защиты.

В большинстве районов сессиз это не было бы проблемой. "Самое худшее", что могло бы произойти, это то, что достаточно быстро должны были появиться представители местного криминального авторитета, и все бы сложилось разумно дружественным образом. Взятки в одну сторону; неформальные санкции и защита в другую - именно на это и рассчитывал Виктор. Он так и планировал проникнуть в районы сесси: используя существующие преступные сети.

Но это было Нижнее Радомско, а не один из хорошо управляемых районов, таких как Новый Росток или Аякучо. Кто-то просто собирался угнать грузовик. И, скорее всего, убить ее в процессе.

Люди начали выходить из машин впереди и позади нее. Двое мужчин из передней машины; мужчина и женщина сзади. Все они, кроме женщины, были вооружены пистолетами. Она несла небольшой пакет, который, вероятно, содержал взрывчатку.

"Вы, тупые ублюдки", - пробормотала она. Затем подала сигнал на своем коме.

* * *

Виктор был в четырех кварталах и на пять уровней выше, когда получил сигнал. Он немедленно нажал кнопку, которая инструктировала его специальную программу передать управление машиной ему. Точнее, это позволило ему взять под контроль транспортное средство без передачи этого факта в центр управления движением. Воздушный автомобиль соскользнул с уровня, на котором он находился, опустился на самый верх коммерческих уровней и направился к месту, где находилась Танди, следуя за грузовиком.

Будь водитель грузовика внимательнее, он заметил бы Виктора в своем заднем окне. С коммерческим транспортным средством под автоматическим управлением, возможно, он не обратил бы на это внимания, но на это нельзя было рассчитывать. В любом случае, это не имело значения, так как Виктор покинул уровень через полтора квартала. Вероятность того, что водитель грузовика в этом районе - он почти наверняка был сесси - сообщит полиции о мимолетном нарушении правил дорожного движения, когда он лично не пострадал, была почти равна нулю.

Реальный риск заключался в том, что программа, которая контролировала движение в этом районе, немедленно обнаружила бы нарушение - два нарушения на самом деле: въезд на коммерческую полосу с личным транспортным средством и личный контроль над транспортным средством в зоне, предназначенной для автоматического движения, - и уведомила власти. Но программа, которую Виктор использовал для отмены автоматического управления, была разработана Антоном, чьи кибернетические навыки значительно превосходили навыки тех, кто разрабатывал дорожную программу. Это заставило бы контролера дорожного движения думать, что Виктор все еще находится под автоматическим руководством. Во всех практических смыслах Виктор просто исчез из сети - за исключением того, что сеть думала, что он все еще там.

Антон также дал им все программы шифрования для своих комов, которые бы защитили их

разговоры от любых, кроме самых мощных усилий по дешифровке. Такие усилия могли быть предприняты только службами безопасности Мезы и только в том случае, если бы они были безусловно подозрительными - в этом случае они почти наверняка были бы обречены, так что беспокоиться об этом не было смысла.

Танди дала ему быстрый набросок ситуации. "Самая большая проблема с грузовиком", - заключила она. "Оттуда вообще нет выхода".

"Я справлюсь с этим", - сказал Виктор. "Ты просто разберись с нападающими. К слову, выжившие были бы полезны."

"Яна была права. Ты совсем не веселый."

* * *

Яна вошла в центральную каюту "Копакабаны". У каюты было официальное название, которого она не помнила. Она называла ее просто «салон».

Антон называл ее "Ксанаду". Когда она спросила, он отказался объяснить, что означает этот термин, на том основании, что ему будет слишком неловко. Но она не поверила ему. Зилвицкий был так же склонен к смущению, как поток лавы.

Антон почти всегда находился там, где проснулся, - за компьютерным терминалом, который он установил в углу салона. Термин "угол" здесь весьма условен, поскольку каюта имела лишь смутное сходство с чем-либо прямолинейным. Насколько Яна могла сказать, "Копакабана" была разработана сумасшедшим. Она могла только надеяться, что двигатели и органы управления корабля будут более согласованными, чем его внутренняя отделка и обстановка.

Она пересекла салон и вошла в комнату, которую Антон выделил ей в качестве жилого помещения. Он назвал эту каюту "Шангри-Ла". Термин, который он также отказался объяснить по тем же выдуманым причинам.

Кровать в этой каюте могла бы использоваться как игровое поле как минимум для четырех видов спорта, с которыми Яна была знакома, за исключением того, что опора была бы слишком коварной для любого из этих видов спорта, кроме самого древнего.

Она вышла из каюте, положила руки на бедра, которые, по ее мнению, были слишком уж пышными, хотя и не такими гротескными, как ее грудь, и взглянула на Антона с отвращением.

"Ты же не собираешься веселиться в стиле Виктора?"

<http://tl.rulate.ru/book/18880/387562>